Ограничения свободы слова и защита права на достоинство и репутацию в судебной практике Великобритании и США

Н.А. Перова

Право на свободу слова в демократическом обществе не может существовать отдельно от других прав и интересов. Право каждого человека на защиту своего достоинства и репутации также представляется важным. Публикация диффамационных сообщений представляет собой конфликт этих прав. На примере правоприменительной практики судов США и Великобритании в этой статье продемонстрировано, каким образом конфликт этих прав разрешается.

Различное отношение судов США и Великобритании к ограничению права на свободу слова в его столкновении с правом на репутацию зависит от того, гарантируются ли эти права конституционным образом или нет. Свободе слова в конституционном праве США уделяется особое место. Она не только получила конституционное закрепление в Первой поправке к Конституции США, но и заслужила особое внимание со стороны Верховного суда США, который путем долгого исторического развития американского прецедентного права вывел принципы, согласно которым свобода слова может ограничиваться только в очень редких случаях, что обеспечило почти абсолютный примат свободы слова над другими правами и интересами. Что же касается права на репутацию, то оно, в отличие от права на свободу слова, не имеет большого конституционного значения в США. Хотя до 1976 года право на репутацию считалось одним из фундаментальных прав, защищаемых нормой о надлежащей правовой процедуре по Четырнадцатой поправке к Конституции, в деле *Paul v. Davis*¹ суд решил, что репутация сама по себе не выражает интерес «свободы» или «собственности», защищаемый Четырнадцатой Поправкой к Конституции. Поэтому вопрос о конституционной важности права на репутацию был снят.

В Великобритании же, наоборот, право на репутацию признавалось как основополагающее право по нормам общего права. Что же касается права на свободу слова, то история его становления не является длительной. В силу неписанного характера Конституции Великобритании и отсутствия полноценного Билля о правах, до недавнего времени свобода слова не была конституционно закреплена. Она выступала как остаточная форма свободы, которая исходила из принципа: все, что не запрещено, то разрешено, - то есть, те общественные отношения, которые не запрещались различными статутами, оказались в рамках права на свободу слова.

Таким образом, позиция Великобритании, скорее, исходила из ограничений свободы слова, нежели ее защиты, поэтому, в отличие от США, в Великобритании существовал примат права на репутацию по отношению к свободе слова. Такая ситуация несколько изменилась после принятия Акта о правах человека, который признал прямое действие Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на территории Великобритании, наделив британские суды правом и обязанностью придавать равное значение правам, закрепленным в Конвенции, в том числе и праву на свободу слова по статье 10 и праву на частную жизнь (в.ч. и на репутацию) по статье 8.

Перова Наталья Александровна – соискатель кафедры Конституционного права МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Отличительные особенности правового регулирования диффамационных сообщений в США. Несмотря на конституционное закрепление свободы слова Первой Поправкой к Конституции США, до 1964 года американское право о диффамации (клевете) было по существу идентично английскому общему праву о клевете². Англо-американское право о диффамации основывалось на принципе «абсолютной ответственности», который, в свою очередь, берет свои истоки в старинной доктрине: «Чтобы человек не опубликовал, он делает это на свой страх и риск»³. В то же время по обычному праву в Англии и в США до 1964 года ответчик мог воспользоваться тремя основными способами защиты от ответственности по иску о клевете: защитой правдой, добросовестным комментарием и квалифицированной привилегией при добросовестном репортаже. Однако после 1964 года практика американских судов резко разошлась с британским правом и сделала большой скачок в направлении более широкой защиты свободы слова⁴.

На современном уровне развития американского права о защите от диффамации уголовных дел о клевете рассматривается очень мало: в основном, это дела, где частные лица выступают против других частных лиц по диффамационным сообщениям частного характера⁵, хотя в некоторых штатах законы об уголовно наказуемой клевете сохранились до сих пор. Основанием для подачи гражданского иска о клевете является ложное и дискредитирующее высказывание, которое касается истца и адресовано третьему лицу⁶. Дискредитирующим высказыванием является такое сообщение, которое умышленно рассчитано нанести ущерб репутации другого лица для того, чтобы сделать его объектом ненависти, презрения или осмеяния⁷.

Противостояние права на свободу слова и права на репутацию может решаться по выработанным принципам, применяющимся достаточно механически, а могут быть предметом детального анализа при учете обстоятельств каждого конкретного дела. Для США, скорее, характерен первый подход, а для Великобритании – второй⁸. В сфере права о защите от клеветы Верховный суд США не применяет принцип балансирования конкурирующих интересов свободы слова и защиты репутации лица и не оценивает серьезность вреда, нанесенного репутации истца, противопоставляя его ценности или важности определенной публикации. Напротив, Верховный суд сформулировал несколько очень точных правил, с помощью которых он решает дела по искам о клевете и согласно которым диффамационные сообщения, выступающие предметом таких исков, оказываются под защитой Первой Поправки⁹.

Такой выбор американских судов не случаен – он основывается на недоверии к нижестоящим судам, что они смогут решить дела о диффамации, применяя лишь нормы общего права, и при этом полностью учесть необходимость защиты свободы слова, как она прописана в Конституции

США. В результате, при федеральной структуре власти правовые системы штатов, которым пришлось отвергнуть английскую модель общего права о диффамации, приняли подход, который позволяет решать дела при учете требований Конституции¹⁰.

Отход от прежних принципов общего права произошел по большей части в уже упомянутом переломном 1964 году при решении, пожалуй, самого известного дела в американской судебной практике, касающегося свободы слова – *New York Times v. Sullivan*¹¹. В этом деле Верховный суд США признал, что клевета должна также подпадать под действие Первой Поправки, закрепляющей право на свободу слова, а следовательно, наказание за нее должно возлагаться судами с учетом соблюдения конституционных норм о свободе слова. Как сказал судья Бреннан, федеральное право запрещает государственному чиновнику налагать взыскания за убытки, причиненные публикацией диффамационных высказываний об официальных действиях этого чиновника, если только он не докажет, что утверждение было сделано со злым умыслом, т.е. со знанием того, что оно было ложным или с грубой небрежностью к тому, было ли оно верно или нет¹².

Еще один вывод, который следует из вышеупомянутого дела, состоит в том, что правительство как институт власти может подвергаться неограниченной критике со стороны общества¹³. Однако профессор Юм в этой связи считает, что суды США после дела *New York Times v. Sullivan* стали однобоко оценивать дела, связанные с диффамацией, и отдавать большее предпочтение защите свободы слова по сравнению с защитой репутации. Защита свободы слова, гарантируемая Европейской конвенцией о защите прав человека и другими международными договорами о правах человека, не является такой абсолютной, какой она была признана судами США после 1964 года¹⁴.

Одним из самых главных нововведений в правоприменительной практике американских судов после этого дела также стало расширение понятия «публичной фигуры» («public figure»), под которое подпадают государственные, общественные деятели и другие знаменитости, которые имеют власть и влияние, делающие их «публичными фигурами» во всех смыслах¹⁵. Однако понятие «публичной фигуры» не может расширяться бесконечно, иначе люди, не обладающие достаточной известностью, будут несправедливо лишены возможности защиты своих прав на репутацию в суде. Поэтому очень важно показать различия между такими «публичными фигурами» и частными лицами, ведь фактически от этого будет зависеть исход дела. В серии дел в судах США было принято более узкое определение «публичной фигуры», что позволило частным лицам, которые известны на местном уровне, иметь больше шансов подавать иски о клевете¹⁶.

Насколько человек должен быть известным, чтобы считаться публичной фигурой, суд решал в деле *Gertz v. Robert Welch Inc*¹⁷, в котором ист-

цом выступал адвокат, представляющий семью человека, убитого полицейским. Большинство судей посчитало, что истец не являлся публичной фигурой, потому что он не был достаточно известен в сообществе во всех отношениях, чтобы к нему применялись правила исков «публичных фигур». Суд подчеркнул, что истец не добивался публичности, чтобы сделать самого себя такой публичной фигурой.

Публичные лица имеют все возможности, чтобы ответить в СМИ на критические высказывания. Более того, став известными, они должны принять на себя риск того, что о них будут печататься критические материалы, как следствие их добровольного вхождения в публичную жизнь. Возмещения убытков за нанесенный репутации ущерб будет только возможно, когда истец докажет, что понес реальные убытки или моральной вред. Профессор Барендт считает, что требование о необходимости доказывания публичными лицами наличия злого умысла в диффамационной публикации является неоправданным, потому что в результате журналисты могут не нести никакой ответственности за диффамацию публичных лиц, даже когда они действовали небрежно в отношении проверки фактов¹⁸.

Американская доктрина в отношении частных лиц исходит из того, что они только должны доказывать ложность диффамационных утверждений, сделанных на тему публичного интереса, чтобы их иск о клевете был удовлетворен¹⁹. Для публичных лиц это требование воспринимается как данность и лежит в основе доказательства о наличии злого умысла, и в их случае не важно, было ли диффамационное утверждение сделано на тему общественного или частного интереса. Верховный суд также отверг предположение о том, что разное отношение должно применяться к диффамационному мнению и утверждениям о фактах, и что выражение мнения не рассматривается в исковом порядке²⁰, однако истцу придется доказать, что любое фактическое утверждение, на котором основывается его мнение, является ложным.

Таким образом, при рассмотрении дел о диффамации в США сначала требуется выявить разницу между публичными лицами, государственными чиновниками, с одной стороны, и обычными частными лицами, с другой. Затем для последней категории различие должно быть проведено между сообщениями на тему общественного и частного интереса. Именно в 1985 году суд возродил доктрину общественного интереса, признав, что сообщения на темы чисто частного интереса имеют право на меньшую защиту Первой Поправкой, чем информация, влекущая общественный интерес, поэтому как только становится ясно, что отсутствует общественный интерес, истцу могут быть возмещены убытки без требования о доказательстве злого умысла со стороны ответчика²¹. Через год суд более подробно рассмотрел доктрину общественно-

информацию общественного интереса о частном лице, то это лицо не может возместить убытки за клевету без доказательства, что сообщение является ложным²².

Понятие общественного интереса можно трактовать по-разному, но если учесть, что речь идет не о «законном» общественном интересе, то можно предположить, что простого любопытства публики о какой-либо подробности частной жизни лица может быть достаточно. Если учесть, что СМИ публикуют информацию почти всегда на темы общественного интереса, иначе бы аудитория не хотела читать публикуемые материалы, то случаев, когда публикация не отвечала бы интересу публики, будет немного. Получается, что только если журналисты напечатали сообщение, чтобы отомстить какому-либо частному лицу и такие подробности не вызывают интереса у общественности, им придется доказывать правдивость опубликованных сведений; в большинстве же случаев, доказывать ложность сведений придется истцу. Что же касается знаменитостей и госчиновников, то немного исков будет удовлетворено, а значит им практически невозможно защитить свою репутацию от нападков журналистов²³.

В связи с этим профессор Франклин считает, что американский подход, по крайней мере, в теории, уделяет очень много внимания статусу истца и очень мало внимания общему содержанию диффамационного сообщения²⁴. В результате сообщения, которые вызывают небольшой общественный интерес, но касаются какой-либо знаменитости или госчиновника, могут получить ту же защиту, что и сообщения, представляющие большой общественный интерес.

Понятие «публичной фигуры» и доктрина общественного интереса также применяются к делам, связанным с сатирой или пародией, которые рассматриваются по тем же принципам, которые применяются к диффамационным сообщениям. С одной стороны, пародия или сатира – это всего лишь выдумка, и все понимают, что она не является правдивой, с другой – она может рассматриваться как диффамация или как оскорбление. В то же время репутация, в принципе, не должна пострадать, если все понимают, что это выдумка, но такая выдумка может быть сформулирована очень жестоко, и это может вызвать у человека моральные страдания.

Вопрос о том, может ли известный человек взыскать убытки за публикацию на него пародии, суд США рассматривал в известном деле *Hustler Magazine v. Falwell*²⁵. Истец подал на журнал иск о клевете за жестокую пародию на него и отдельно гражданский иск об умышленном причинении моральных страданий. Так как пародия не могла рассматриваться как описание реальных фактов, то присяжные не нашли диффамации в ее публикации, но они присудили достаточно большую сумму в качестве возмещения убытков за умышленное причинение моральных страданий. Это решение было подтверждено в Апелляционном суде. Однако Верховный суд США решил дело

иначе. Он постановил, что будет считаться неконституционной ответственность ответчика за сообщения, опубликованные в связи с дискуссией в обществе, касающейся публичного человека, даже если таким образом ответчик хотел отомстить истцу. Поэтому суд заключил, что государственные или публичные деятели не могут возместить убытки за умышленно причиненные моральные страдания, если только они не смогут доказать, что публикация содержала ложные утверждения о факте, сделанные со злым умыслом, то есть со знанием их ложности или с грубой небрежностью касательно того, правдивы они или нет.

Это решение фактически не оставило шансов политикам и знаменитостям взыскать убытки за любое оскорбление в пародии, не доказав наличия клеветы, и неважно, насколько возмутительно оно может быть и сколько моральных страданий оно причиняет²⁶. Суд вновь оставил без наказания ответчика, чья свобода слова перевесила право на достоинство оскорбленного истца.

Защита репутации и достоинства человека в исках о диффамации и ограничение свободы слова в Великобритании. В отличие от США, в Великобритании дела о защите репутации и человеческого достоинства не могут быть легко различимы, может быть, потому, что по обычному праву можно подать иск о диффамации по утверждениям, выставляющим истца на посмешище, и необязательно при этом доказывать, что слова представляли в явной или скрытой форме ложные фактические утверждения. Также в английском праве бремя доказывания правдивости диффамационных утверждений в суде лежит на ответчике, в то время как в праве США после дела *New York Times v. Sullivan* именно истцу придется доказывать ложность утверждений.

Общее определение диффамации в Великобритании было дано в деле *Sim v. Stretch*, в котором суд назвал диффамацией публикацию, «которая ведет к понижению истца в оценке благонамеренных членов общества в целом»²⁷. При этом диффамационные замечания должны нанести вред репутации человека в глазах, скорее, разумных членов общества, чем какой-либо конкретной группы.

Английское право также проводит различия между диффамационными утверждениями, которые могут стать предметом в судебном разбирательстве, и замечаниями, которые, хотя и являются оскорбительными и бранными, не могут выступать предметом рассмотрения в суде²⁸. В принципе истец должен иметь возможность подать иск только по тем утверждениям, которые нарушают его право на репутацию, то есть право каждого человека на защиту его уважения в обществе²⁹.

В отличие от диффамационного права США, в Великобритании не уделяется особого внимания статусу истца, не существует разделения на публичных лиц, госчиновников и частных лиц. Вместо этого, Великобритания выбрала другой способ защиты свободы слова при диффамаци-

онных исках. Речь идет о применении абсолютной привилегии (предоставляется строго ограниченному кругу лиц, как например, парламентариям на заседаниях), квалифицированной привилегии, а также разных способов защиты, которые учитываются при принятии решения судом по диффамационным искам.

Ответственность за диффамацию в Великобритании носит абсолютный характер. Не существует презумпции незнания журналистом о диффамационном характере опубликованного им материала. И не только средство массовой информации подлежит ответственности за клевету, каждый человек, ответственный за публикацию, может предстать перед судом: журналист, редактор, собственник издания, распространитель, магазины, продающие издание и т.п. Однако по обычному праву распространитель издания пользуется специальной защитой, которая в английском праве получила название «невиновное распространение»³⁰. Акт о диффамации 1996 года распространил эту защиту на каждого, кто не несет прямой ответственности за публикацию, т.е. на того, кто не является ни автором, ни редактором, ни издателем. Однако эта защита не предоставляется, если остальные ответчики не действовали абсолютно невиновно, т.е. если они знали или были предупреждены о том, что публикуемый материал может носить диффамационный характер.

Для ответчиков, несущих ответственность за публикацию, также существуют различные способы защиты. Чтобы учитывать требования свободы слова при разрешении дел о диффамации, английские суды выстраивают баланс между правом на свободу слова и правом на репутацию. Главный прием, который они при этом используют, – это защита «добросовестным комментарием» на тему общественного интереса. Такие темы могут варьироваться; их охват выходит за рамки сообщений о политической или общественной жизни и может отражать любой вопрос, по которому у аудитории существует законный общественный интерес.

Этот элемент защиты «добросовестным комментарием» не вызывает обычно особых трудностей, ведь журналисты стараются публиковать именно ту информацию, в отношении которой у общественности имеется интерес. Другой элемент защиты добросовестным комментарием заключается в том, что сообщение должно быть именно комментарием, то есть выражать точку зрения или мнение автора, но не должно являться утверждением каких-либо фактов. Такое различие представляется очень важным, потому что если какое-либо утверждение является фактическим, то ответчик должен доказать достоверность этих фактов.

В данном контексте следует упомянуть известное дело *Telnikoff v. Matusevitch*³¹. В нем ответчик обвинил истца в выражении расистских взглядов в опубликованной им газетной заметке истца. Большинство в Палате лордов решило, что

присяжные должны были принимать решение о том, относится ли сообщение ответчика к комментарию или к фактическому утверждению, учитывая содержание только письма ответчика и не принимая во внимание заметку истца, опубликованную в другом номере газеты.

Стоит также учитывать, что защита «добросовестным комментарием» не действует, если истец докажет злой умысел ответчика, потому что тогда комментарий уже не может считаться добросовестным³², хотя такой умысел будет тяжело доказать. Истец будет поставлен в очень сложную ситуацию, потому что, в отличие от США (где истец имеет возможность во время предварительного заседания выяснить, существовал ли источник информации и в кто его качестве выступал), в Великобритании обычно нельзя требовать от прессы раскрывать свои источники³³. Истец может столкнуться с трудностью доказывания злого умысла со стороны ответчика, если, например, он не сможет показать, что ответчик платил источнику за информацию, или он не может выявить, являлся ли источник его завистником или политическим оппонентом³⁴.

Однако в отличие опять же от США, в английском праве истцу не надо доказывать ложность диффамационных высказываний, именно на ответчика ложится обязанность доказывать их правдивость, чтобы защитить себя от ответственности. Если утверждение по своей природе является фактическим и ответчик может доказать его правдивость, он может воспользоваться «оправданием» в качестве способа защиты. Утверждения не должны быть сделаны обязательно на тему общественного интереса для того, чтобы воспользоваться такой защитой³⁵.

Одним из немаловажных вопросов является вопрос о том, кто имеет право подавать иски о клевете. Палата лордов признала, что если позволить государственным властям подавать иски о клевете, то это будет «нежелательно сдерживать свободу слова»³⁶. В более поздних решениях английские суды расширили эту позицию, исключив иски о клевете, сделанные общественными корпорациями и политическими партиями³⁷. Что же касается групповой клеветы, то человек должен быть четко назван, чтобы выступать в качестве истца – группа не может подать иск о защите коллективной репутации³⁸.

В этой связи значительный шаг вперед к расширению защиты свободы слова был сделан в небезызвестном деле *Derbyshire County Council v. Times Newspapers*³⁹, в котором суд не позволил органам государственной власти предъявлять иски о клевете, иначе это бы серьезно отразилось на свободе слова, и журналисты боялись бы публиковать критические статьи. Как считает профессор Барендт, положение, введенное решением *Derbyshire County Council* о невозможности властных органов подавать иски о диффамации, не означает такого запрета в отношении подачи исков отдельными политиками и государственными чиновниками⁴⁰. Если гражданские иски публич-

ных властей несовместимы с защитой интересов свободы слова, то тот же самый вывод может быть сделан, если политики или госчиновники подают индивидуальные иски для того, чтобы защитить свою политическую репутацию⁴¹. Такую же позицию поддержал Верховный Суд США в вышеупомянутом деле *Sullivan*.

Однако в Великобритании политики вполне могут подать иск о клевете, даже если диффамационные обвинения были сделаны в сообщении, имеющим явный политический интерес для общественности, но при этом рамки возможной защиты ответчика были расширены⁴². Английские суды все же стараются защищать свободу слова от бесконтрольного ограничения, для этих целей также используются абсолютная и квалифицированная привилегия. Категория абсолютной привилегии применяется для обозначения юридической невозможности предъявления иска о диффамации к определенным категориям лиц: к депутатам – в связи с их выступлениями в парламенте; к судьям, адвокатам, сторонам и свидетелям – в связи с их высказываниями в зале суда⁴³. Она дает полную защиту от любых исков по диффамации.

В отличие от абсолютной привилегии, квалифицированная привилегия не дает абсолютной защиты и применяется тогда, когда у ответчика отсутствует злой умысел. Категория квалифицированной привилегии означает недопустимость предъявления иска о диффамации к СМИ и к журналисту, правильно, точно и своевременно передавшим информацию, защищенную абсолютной привилегией⁴⁴. Квалифицированная привилегия распространяется на беспристрастный и достоверный репортаж о парламентских или судебных слушаниях, сделанный без злого умысла⁴⁵. До недавнего времени суды, в основном, отвергали аргумент о том, что СМИ должны иметь право воспользоваться защитой квалифицированной привилегии, напечатав диффамационные утверждения на темы общественного интереса в тех случаях, когда журналисты считали такие утверждения точными, но на деле оказавшиеся неверными (или верность которых они просто не смогли доказать в суде). Ситуация изменилась с делом *Reynolds v. Times Newspapers Ltd and others*⁴⁶. Суды относятся к привилегии в деле *Reynolds*, как к отдельной форме квалифицированной привилегии по отношению к публикации на темы общественного интереса⁴⁷.

Для того чтобы ответчик мог воспользоваться такого рода квалифицированной привилегией, «природа, статус, источник опубликованного материала и обстоятельства, окружающие публикацию, должны быть приняты во внимание»⁴⁸. В отсутствие злого умысла квалифицированная привилегия применяется к публикации при трех условиях. Во-первых, ответчик должен опубликовать сообщение, адресованное конкретной аудитории, во-вторых, аудитория должна иметь интерес в получении сообщения, и, в-третьих, все факты и обстоятельства конкретного дела долж-

ны учитываться при анализе того, какой интерес перевесит: интерес в публикации сообщения или интерес репутации истца в данном конкретном деле⁴⁹.

До недавнего времени суды Великобритании также отказывались признавать защиту квалифицированной привилегией в исках по диффамации, поданным в отношении сообщений, содержащих неточную информацию⁵⁰. Иск о клевете был успешным, если ответчик не мог доказать правдивость любых фактических высказываний. В решении *Reynolds v. Times Newspapers*⁵¹ Палата лордов изменила свою позицию также касательно утверждений о факте. В этом деле журналисты не смогли доказать факты, приведенные в статье, о вводящих в заблуждение действиях бывшего премьер-министра Ирландии и о падении его правительства. Палата лордов посчитала, что при определенных обстоятельствах квалифицированная привилегия может быть применена к прессе и другим СМИ в отношении общественно важных сообщений, содержащих неточную информацию. Однако по отношению к данному конкретному делу суд решил, что применение квалифицированной привилегии невозможно, потому что сообщение представляло собой серьезные фактические обвинения без упоминания того, как истец объяснил события парламенту (т.е. без отражения его точки зрения).

По мнению суда, все обстоятельства дела должны учитываться при определении, может ли привилегия применяться к конкретной публикации с точки зрения ее ценности для общества. Суд принял несколько рекомендаций, на базе которых журналисты и суды могут определять, были ли соблюдены стандарты так называемой «ответственной журналистики». К ним, в частности, относятся серьезность утверждений, наличие общественного интереса, качество источников, на которые ссылаются СМИ, принятые шаги по проверке сведений, наличие просьбы со стороны журналистов. Все это позволит выявить, был ли материал подан односторонне с явным негативным отношением по отношению к истцу, или же жур-

налисты ответственно и объективно выполняли свою задачу, показывая разные точки зрения на поведение истца. Поэтому можно сказать, что суд расширил действие квалифицированной привилегии в делах о диффамации на журналистские материалы по темам, представляющим законный общественный интерес. В недавнем деле *Galloway v. Telegraph Group*⁵² суд уточнил, что газета не может претендовать на защиту квалифицированной привилегией, если она публикует серьезные утверждения, не делая попытку их проверить.

Даже после дела *Reynolds* английское право о клевете может удерживать СМИ от публикации утверждений, которые, как они полагают, являются точными, но когда, например, нет времени их проверить, или когда истец был недоступен для комментариев. Завышенные стандарты ответственной журналистики могут отложить публикацию очень срочного материала, если требуется проверять источники или связаться с истцом для дачи дальнейших комментариев.

Таким образом, несмотря на значительный прогресс, сделанный в деле *Reynolds*, английские суды все равно в каждом деле оценивают наличие веских причин для превалирования права на свободу слова. Такой подход отличается от правоприменительной практики судов США, которая отдает большее предпочтение свободе слова, нежели праву человека на защиту достоинства и репутации при решении дел, связанных с диффамацией.

Perova N.A. Prohibition of Incitement of Racial and Religious Hatred or Violence as Restriction of the Right to Freedom of Expression in the Interests of Defence of Law and Order in the Legal Systems of the UK and USA».

Summary: The right to freedom of speech, although necessary in democratic society, cannot exist separately from other rights and interests. The right of each person to reputation and dignity is also very important. A publication of defamation represents a conflict of these rights. By an example of the jurisprudence of the US and UK courts, this article will demonstrate how this conflict is solved in the common law countries.

Ключевые слова

свобода слова; свобода самовыражения; диффамация; право на защиту репутации; ограничения прав и свобод; конституционные права и свободы.

Keywords

freedom of speech; freedom of expression; the United States; The United Kingdom; defamation; right to reputation; limitation of rights and freedoms; constitutional rights and freedoms.

Примечания

1. Paul v. Davis 424 US 693 (1976).
2. Youm K.H. The interaction between American and foreign libel law: US courts refuse to enforce English libel judgments. // International & Comparative Law Quarterly. - 2000. - 49(1). - P. 134.
3. Ibid.
4. Youm K.H. The interaction between American and foreign libel law: US courts refuse to enforce English libel judgments. // International & Comparative Law Quarterly. - 2000. - 49(1). - P. 136.
5. Рихтер А.Г. Современное право средств массовой информации в США. - М.: Право и СМИ, 1997. - С. 21.
6. Там же. - С. 23.
7. Там же. - С. 24.
8. Barendt E. Freedom of Speech. - Oxford: Oxford University Press, 2005. - P. 225.

9. Barendt E. Freedom of Speech. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 205.
10. Loveland I. Political libels: a comparative study. – Portland: Hart publishing, 2000. – P. 49.
11. New York Times v. Sullivan 376 US 254 (1964).
12. Ibid, 279-280.
13. Рихтер А.Г. Современное право средств массовой информации в США. – М.: Право и СМИ, 1997. – С. 14.
14. Youm K.H. The interaction between American and foreign libel law: US courts refuse to enforce English libel judgments. // International & Comparative Law Quarterly. – 2000. – 49(1). – P. 163.
15. См. Gertz v. Welch 418 US 323 (1974); Beloff M.J. Politicians and the Press. // Beatson J., Cripps Y. Freedom of Expression and Freedom of Information. Essays in Honour of Sir David Williams. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 97.
16. Fisher L. Constitutional rights: civil rights and civil liberties. – New York: McGraw-Hill, 1995. – P. 681.
17. Gertz v. Welch 418 US 323 (1974).
18. Barendt E. Freedom of Speech. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 207.
19. Philadelphia Newspapers v. Hepps 475 US 765 (1986).
20. Milkovitch v. Lorain Journal 497 US 1 (1990).
21. Dun and Bradstreet, Inc v. Greenmoss Builders 472 US 749 (1985).
22. Philadelphia Newspapers, Inc. v. Hepps, 475 US 767 (1986).
23. Barendt E. Freedom of Speech. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 209.
24. Franklin M.A. Constitutional libel law: the role of content. // UCLA Law Review. – 1986. – 34. – P. 1657.
25. Hustler Magazine v. Falwell 485 US 46 (1988).
26. Barendt E. Freedom of Speech. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 227.
27. Sim v. Stretch [1936] 2 All ER 1237, 1240. Barendt E., Lustgarten L., Norrie K., Stephenson H. Libel and the media the chilling effect.- Oxford: Oxford University press, 2004. – P. 3.
28. Barendt E., Hitchens L. Media Law: Cases and Materials. – Essex: Longman, Pearson Education Ltd, 2000. – P. 350.
29. Ibid.
30. См. дело Vizetelly v. Mudie's Select Library Ltd [1900] 2 QB 170.
31. Telnikoff v. Matusевич [1992] 2 AC 343.
32. Bosma H. Freedom of Expression in England and under the ECHR: in Search of a Common Ground. A Foundation for the Application of the Human Rights Act 1998 in English Law. – Antwerpen: Intersentia, 2000. – P. 64.
33. Schilling K. The Americanisation of English libel laws. // Entertainment Law Review. – 2000. – 11(3). – P. 49.
34. Ibid.
35. Feldman D. Civil Liberties and Human Rights in England and Wales. – Oxford: Clarendon Press, 1993. – P. 613.
36. Derbyshire Country Council v. Times Newspapers [1993] AC 534, 549, Lord Keith.
37. Barendt E. Freedom of Speech. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 200.
38. Barendt E., Hitchens L. Media Law: Cases and Materials. – Essex: Longman, Pearson Education Ltd, 2000. – P. 361.
39. Derbyshire Country Council v. Times Newspapers [1993] AC 534.
40. Barendt E. Libel and Freedom of Speech in English Law. // Public Law. 1993. – 449. – P. 453.
41. Barendt E. Freedom of Speech. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 200.
42. Ibid. – P. 201.
43. Федотов М.А. Право массовой информации в Российской Федерации. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 22-23.
44. Там же. – С. 22-23.
45. См. среди прочего Cook v. Alexander [1947] QB 279, CA.
46. [1999] 4 All ER 609.
47. Markesinis B.S., Deakin S.F. Tort Law. – Oxford: Clarendon Press 1999. – P. 682.
48. Reynolds v. Times Newspapers Ltd and others [1999] 4 All ER 609, HL.
49. Reynolds v. Times Newspapers Ltd and others [1998] 3 All ER 862, CA, 899.
50. Barendt E. Freedom of Speech. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 219.
51. Reynolds v. Times Newspapers [2001] 2 AC 127.
52. Barendt E. Freedom of Speech. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 220.
53. Galloway v. Telegraph Group [2004] EWHC 2786.